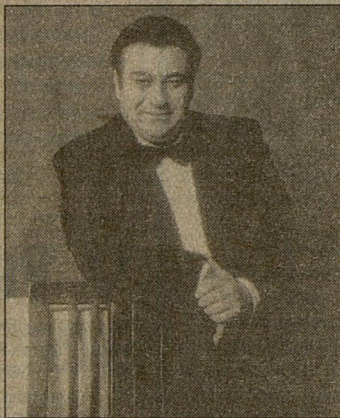

Моск. новости. — 1994. — 6-13 нояб. — с. 19.

Если петь, то только тенором

ВСТРЕЧА

За плечами Зураба Соткилавы — 30 лет оперной карьеры, 20 из них в Большом. С этой жизненной вершины, увенчанной наградами и званиями, просматриваются не только рукоплещущие залы, но и начало пути, на котором любовь к пению переменялась с другими, не менее сильными увлечениями, едва не ставшими профессией.

Валерий ПЛОТНИКОВ

Соткилава родился в Сухуми и с детства играл в футбол. В составе местной футбольной команды он поехал в Тбилиси и там благодаря своей учительнице пения, убеждавшей его заняться голосом всерьез, познакомился с профессором консерватории. Знаток прослушал Зураба и в восторг не пришел. Между тем футбольные дела юноши шли отлично, его приняли в тбилисское «Динамо». И вдруг — тяжелейшая травма. Вовремя, комментирует Соткилава: опоздай он на два-три года — петь уже наверняка бы не стал. Профессор предложил ему держать экзамен в консерваторию. Зураба зачислили баритоном. Но, насмотревшись фильмов с Бенямино Джильи, Марио дель Монако, Яном Кипурой, студент решил: если петь, то только тенором. Профессор обиделся: «Я тоже хотел бы стать королем, но не могу». Консерваторию Соткилава окончил по классу выдающегося драматического тенора Давида Ангуладзе, но до этого успел получить специальность инженера-маркшейдера в политехническом и отработать в этом качестве около трех месяцев.

После консерватории Соткилаву послали на стажировку в «Ла Скала».

— Нас было пятеро, — вспоминает он, — и все мы дружно попросились к известному певцу и педагогу Дженнаро Барре. Барра — по-итальянски «гроб». Такой неуютный псевдоним наш преподаватель, человек из знатной неаполитанской семьи, взял после того, как его отец, не желавший, чтобы сын занимался пением, запретил ему носить родовое имя. Именно от Барры я узнал о так называемом горизонтальном и вертикальном пении, о четырех скоростях работы диафрагмы и о многом другом, о чем раньше не догадывался. За 30 лет оперного пения я исполнил все самые сложные партии, и если мой голос не потерял, надеюсь, ни силы, ни свежести, этому я обязан педагогу с мрачной фамилией. Предполагаю побыть в опере еще лет пять, а потом займусь камерным пением.

— Что вам открыло дорогу в Большой театр? Конкурс Чайковского, в котором вы участвовали, завоевав до этого первые премии в Закавказье, Софии и Барселоне?

— Вряд ли только этот конкурс, хотя история моего участия в нем занятна. Желания состязаться у меня не было. Но за три месяца до начала, когда состав конкурсантов был уже определен, меня вызвала министр культуры Фуцева и сказала: если я не согласуюсь, за границу меня больше не выпустят. Нет худа без добра. На конкурсе я тесно соприкоснулся с камерной музыкой и познакомился с поразительным пианистом Вайой Чачавой, который стал моим музыкальным пастырем на долгие годы.

А в Большой меня пригласили как «погорельца» (в 1973 году театр Палиашвили, где я тогда пел, сгорел) выступить в «Кармен». После этого взяли в труппу. Когда меня ей представляли, все встали и приветствовали новобранца аплодисментами. Этого я никогда не забуду. Тем более, тогда шел «золотой век» оперной труппы Большого.

— Говорят, что у любого порядочного человека должны быть враги. Оправдываете ли вы звание порядочного?

— Маэстро Барра любил повторять: «Если 70 процентов относятся к тебе хорошо, на остальные тридцать можно наплевать». Грубовато, но, думаю, процент моих поклонников в Большом переваливает за 70. Я всегда старался избегать конфликтных ситуаций. Великий Козловский, уходя из Большого, сказал мне: «Зураб, ты певец милостью Божией. Не примыкай ни к одной группировке. Занимайся своим делом — репетируй и пой». Эти слова стали для меня путеводными. Я не подписал ни одного

подметного письма, не участвовал ни в какой сомнительной акции. Но я первый возмущился, когда сняли нашего главного художественного руководителя Бориса Покровского: ведь если мы что-то собой представляем, то исключительно благодаря ему.

— Вас удовлетворяет нынешнее лицо Большого театра?

— В так называемые застойные годы мы делали восемь спектаклей ежегодно. Это были работы высочайшего класса.

Когда мы выезжали на гастроли в Ленинград, люди стояли в очереди за билетами по три-четыре ночи. Какие солисты были заняты в спектаклях! Образцова, Вишневская, Милашкина, Архипова, Никитина, Мазурок, Атлантов, Нестеренко... Чтобы войти в спектакль, нужно было петь лучше остальных. А сейчас такое поет рядом, что диву даешься, как он смог попасть сюда. Русские оперные голоса все за рубежом. На них держатся «Ла Скала», «Метрополитен опера», Венская опера. Там и Чернов, и Хворостовский, и Гулегина, и Раутио, и Заремба. За границей на заработках двести русских оперных певцов. Двести! Я знаю, что они тоскуют по родному очагу и вернулись бы, будь здесь подходящие условия. Тогда и Большой театр стал бы другим. Но театр не ставит спектакли не потому, что не хочет. Он не может. Слыханное ли дело, чтобы в Большом не было туалетного мыла, полотенце? Один гвоздь тысячу рублей стоит. Наполеон как-то сказал, что легче быть императором Франции, чем директором Гранд-опера. Можете представить, каково администрации Большого; финансовое неблагополучие перерастает в личные амбиции. В результате страдает искусство.

— Но чем вы объясняете, что на афишах Большого все реже появляются имена корифеев — Образцовой, Касрашвили, вапе в том числе?

— В 70-е годы я пел в 14 спектаклях. В этом году — только в двух. Это несчастье. Образцову, Касрашвили, Мазурку, Нестеренку, всех, равных им, надо загрузить до предела. Народ же ходит на них. Я вовсе не хочу сказать, что петь должны только они. Надо приглашать и талантливых молодежь, чтобы она училась у старших, как сам я учился у Зураба Анджапаридзе или у Бориса Покровского. Учился всему, вплоть до того, как ходить по сцене. Тогда не нарушится преемственность поколений, не снизится уровень Большого.

— А что для этого нужно?

— Вести конкурентную систему отбора артистов, которая полностью перекрывала бы любые лазейки, не имеющие отношения к искусству. С Образцовой, Атлантовым и другими мы поднимали этот вопрос лет двадцать назад. Но при старой системе это было невозможно: на певцов распространялось крепостное право. Помню, как готовился концерт к 100-летию Ленина. Меня три месяца не выпускали из Москвы и заставляли репетировать одну и ту же песенку. Правда, и уровень тех концертов был отменный, хотя в зале сидели одни престарелые партнеры и даже аплодировать не желали. А сейчас на праздничных концертах ничего не услышишь, кроме дешевой блатной музыки.

Надеюсь все же, что указ президента и правительственное постановление по Большому театру положат конец как прежнему авторитаризму, так и анархии, помогут привлечь мировых знаменитостей, включая отечественных. На контрактной основе.

— Зураб, вы в этом году возглавляли на конкурсе Чайковского жюри вокалистов. Вас снова заставили или эту скандальную обязанность вы взяли на себя добровольно?

— Добровольно. Мне хотелось собрать в жюри людей беспристрастных и профес-

сионально безупречных. Члены жюри проявили себя наилучшим образом. На нас никто не давил «сверху», как это практиковалось в советские времена. Свое мнение я никогда не высказывал первым.

— Возрастает ли значение международных конкурсов вокалистов, в частности конкурса Чайковского?

— Падает. Раньше на конкурсах выявлялись таланты, и театры их брали прямо с музыкального марафона. Теперь певцы сами приходят в театры. Если молодого человека принимают, конкурсы ему уже не нужны. Чтобы поднять их престиж, в жюри надо посадить главных дирижеров Большого и Мариинского театров и оповестить весь мир, что победители будут приглашены в их труппы. Уверен, поедет лучшая молодежь. А слабый задумается, стоит ли соревноваться.

— При ваших многопрофильных интересах и обязанностях — от футбола и пения до конкурсного судейства — находите ли вы понимание в семье?

— Я женат 29 лет. Моя жена Элисо Максимовна древнего княжеского рода, человек сильный, с бесценным даром смотреть на вещи широко и без предубеждений. Она меня сдерживает, если я слишком увлекаюсь, следит за моим режимом — при моей профессии он крайне важен. Вокалист каждый день начинает работать заново, как студент-первокурсник. Полтора часа чистого пения, голосовая гимнастика, разучивание текстов. Трудно поверить, но перед концертом голова у меня больше забита словами, чем музыкой. Мудрую терпимость жены унаследовали обе наши дочери — Тая и Коти.

— У вас есть родственники в Грузии?

— Да, три семьи. Среди них — беженцы. Содержу их всех.

— Еще кому-нибудь помогаете?

— Нуждающимся. Артистам. Просто незнакомым, которые ко мне обращаются.

— Извините за вопрос, но чувствуете ли вы себя в Москве «лицом кавказской национальности»?

— Недавно получил интересные записки. Одну нашел на ветровом стекле: «Грузин, не позорь нацию, в какой машине ты едешь?» А я еду на скромной «Оке». «Волгой», которая тоже у меня есть, мне управлять тяжело, там жесткие педали, начинают болеть старые травмы. Другое письмо пришло после одного из телевизионных концертов: «Пока вы поете, мы забываем о лицах кавказской национальности. Пойте чаще!» То же повторилось на вечере Окуджавы. На концертах и в оперных спектаклях чувствую огромную благожелательность публики еще до того, как начинаю петь. Недавно Никита Михалков пригласил меня в Нижний Новгород на презентацию своего фильма. Когда объявили мое имя, зал устроил овацию. Я был поражен.

— Ходят слухи, что вы перестали ездить в родной Тбилиси.

— В Тбилиси я действительно не был около двух лет. Но собираюсь провести там оперный фестиваль и спеть все спектакли, что идут в театре Палиашвили, в честь моего 30-летнего оперного стажа.

— Знакомо ли вам чувство одиночества?

— Да, знакомо. Когда едешь на постановки за рубеж. Пока спектакли только репетируют, тут не до скуки. А вот когда они идут через два-три дня и в промежутках говорить нельзя, петь нельзя — бережешь голос, начинаешь сходить с ума.

С другой стороны, с заграницей связано одно из самых дорогих для меня воспоминаний, когда я понял, что человек может почувствовать себя дома в самом неожиданном месте. Моя мама и бабушка играли на гитаре и пели. Мингрельские народные песни так глубоко запали в мое сознание, что я не представлял себе концертных выступлений без этих жемчужин. По моей просьбе композитор Отар Тактакишвили создал цикл мингрельских песен для голоса и фортепиано. Я исполнил их в Москве, возил в Германию, Голландию, Францию, Японию. Везде принимали прекрасно, но реакция японцев была просто потрясающей: они откликались не только на музыку, что понятно, но и на слова! На мингрельском языке! Лишь потом выяснилось, что синхронно с моим пением бегущей строкой давался перевод. Все было заранее заложено в компьютер.

— Каков ваш нравственный девиз?

— Отвечу словами моего дедушки: «Если не хочешь быть большим и несчастным, никогда и никому не завидуй. Если хочешь быть человеком и не можешь творить добро, сделай, по крайней мере, так, чтобы людям хотелось быть рядом с тобой».

Герард КИМЕКЛИС